

ТАТЬЯНА
ГЕРЦИК

ВЕРНУТЬ

ВСЁ

Ивановка

Татьяна Герцик

Вернуть всё

«Дана Хадсон»

2016

Герцик Т.

Вернуть всё / Т. Герцик — «Дана Хадсон», 2016 — (Ивановка)

ISBN 978-1-31-143611-5

Александр любит Аню, но из-за своей ошибки вынужден жениться на Наталье. Против этой свадьбы вся его родня, но что делать? Он же порядочный человек. Но в вынужденных браках счастья, как правило, не бывает...

ISBN 978-1-31-143611-5

© Герцик Т., 2016
© Дана Хадсон, 2016

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Татьяна Герцик

Вернуть всё

Эта книга предназначена исключительно для Вашего личного пользования. Она не может быть перепродана или отдана другим людям. Если Вы хотели бы поделиться этой книгой с другими, пожалуйста, купите дополнительную копию для каждого получателя. Если Вы читаете эту книгу и не покупали ее, или она не была куплена только для Вашего использования, то, пожалуйста, купите свою собственную копию.

Спасибо за уважение к нелегкой работе автора.

Глава первая

Вызванный к доске Игорь Петров кривлялся, как обычно. Урок анатомии в восьмом классе превращался в балаган. Ткнув пальцем в стоящий в углу кабинета биологии человеческий скелет, вернее, его имитацию, парень потребовал:

– А скажите нам, Наталья Викторовна, кто это такой? Мужчина или женщина? Как их различали?

Наталья встала и угрожающе склонилась над учеником. Для своего возраста он был немаленьким, но на фоне учительницы, рост которой зашкалил за метр восемьдесят, казался попросту хилым.

– А вот как по скелету определить пол человека, ты нам и расскажешь на следующем уроке.

Почувствовавший себя на редкость ущемлённо Петров сразу сменил тон. Наталья подумала, что хоть в этом ее немаленький рост приносил кое-какую пользу. Редко кто из школьных хулиганов выдерживал в непосредственной близости ее угрожающе склоненную фигуру. Конечно, она никогда не стала бы бить учеников, но в генах этих шкодливых мальчишек сидел атавистический страх перед физическим наказанием, сказывались поколения поротых предков. Во всяком случае, на ее уроках разного рода инцидентов и попыток сорвать занятия было гораздо меньше, чем у других преподавателей.

Их некогда богатый и процветающий шахтерский городок после закрытия угольных шахт превратился в приют пенсионеров и разного рода шантрапы. Все более-менее приличные люди поразъехались кто куда, а оставшимся работать было практически негде. Дети, проникшиеся нигилизмом отчаявшихся взрослых, вели себя соответственно. А где отчаяние, там, естественно, и антидепрессанты. Главным образом алкоголь, но в последнее время употребляли и наркотики, которые под видом курительных смесей продавались в каждом киоске благодаря приезжим из Средней Азии.

Нормально жили те семьи, в которых мужчинам удалось устроиться на работу вахтовым методом. Они работали главным образом на севере, на нефтеразработках или добыче полезных ископаемых. Их дети резко отличались от других. Они были уверенными в себе и хорошо одетыми. И учились, как правило, не в пример лучше остальных.

Уроки закончились. Наталья зашла в учительскую. Завуч Светлана Николаевна елевым голосом попросила:

– Наталья Викторовна, сдайте учебные планы на следующую неделю.

Наталья достала из портфеля толстую тетрадь и подала ей. Опять начнет придирается и выискивать несуществующие погрешности. Наталья знала, почему. У завуча в этом году племянница закончила биофак, и пыталась найти местечко поуютнее. Но в их городке это было невыполнимой задачей. Вот тетушка и старалась всеми силами выхлопотать для нее должность учительницы в местной школе. Но эта должность была уже занята, и следовало постараться, чтоб ее освободить.

Наталья тихонько вздохнула. А ведь когда-то Светлана Николаевна была нормальным человеком, отзывчивым и добрым. Но как только муж потерял работу, денег стало мало, она кардинально поменялась. Стала цепляться ко всякой ерунде, подличать и угодничать. Вот так трудности и выявляют сущность человеческую.

Она не верила, чтоб амбициозная племянница Светланы Николаевны смогла справиться с их буйными учениками. Одно дело теория, и совершенно другое – практика. Но это не ее проблемы.

Принялась готовиться к завтрашним урокам. Дома для этого было слишком шумно. Просидев в учительской до пяти часов, убрала тетради в стол, закрыла его на ключ и вышла из

школы. Яблони стояли в цвету и майский воздух был напоен сладким весенним ароматом. Наталья шла по разбитой асфальтовой дорожке и невольно улыбалась весне.

Из-за углового дома вышла пара с детской коляской. Наталья престала улыбаться и тихо вздохнула. Это был ее бывший муж с нынешней женой. И в коляске лежал их ребенок. Сын. Которого Яков так хотел в их недолгом браке. Благодаря своему росту она увидела их еще издали, и замедлила шаг, не желая с ними встречаться.

Но они ее уже заметили, и она пошла им навстречу, независимо улыбаясь.

– Здравствуй, здравствуй, Наташенька! – Раиса была сама любезность, но вот только в ее голосе явственно слышались нотки превосходства. – За дочкой?

Наталья никак не могла понять, как можно увести мужа от жены, а потом с этой брошенной женой разговаривать как ни в чем не бывало. Хотя они знали друг друга с детства, и прежде неплохо общались, несмотря на разницу в десять лет.

– Да, за Улей. – Ее голос звучал как наждачная бумага, но это Раису только порадовало.

– Да, Улечка хорошая девочка. Но мужчинам нужны наследники.

Наталья не выдержала.

– Конечно. А так же и их немолодые мамочки с собственными квартирами. Купленные мужья очень удобны, не правда ли? Им всегда можно рты заткнуть.

Она с презрением посмотрела на стоявшего столбом бывшего мужа. Тот поежился, но промолчал. А что говорить, если это правда?

Наталья спокойно обошла их, как скамейку в парке, и пошла дальше, стараясь не слушать злобный шепот Раисы, который все равно бил в спину, как брошенные камни:

– Никому ты не нужна, переросток несчастный, вот и бесишься.

Наталья распрямила плечи и задрала голову, стараясь держаться прямо. Она всегда стеснялась своего гренадерского роста. В их городке женщин выше нее не было. И парней ей под стать было раз-два и обчелся. Да и те все были уже пристроены. Бывший муженек был ниже ее на пять сантиметров, и старался скрыть это с помощью обуви. А вот Раиса с ее росточком в метр шестьдесят была ему под стать. С ней он чувствовал себя большим и сильным.

Невесело усмехаясь, Наталья дошла до детского сада. Младшая группа, в которую ходила дочка, поужинала и собиралась на прогулку. Воспитательница Нина Андреевна, увидев ее, заметно оживилась.

– Как хорошо, что вы пришли, Наталья Викторовна! Достаньте, пожалуйста, с гардины самолетик. Я уж и со стула пыталась, и мячик в него бросала, ну никак!

Наталья прошла в помещение группы и увидела зацепившийся за край гардины красный игрушечный самолетик. На подготовленный для нее стул она вставать не стала, просто подпрыгнула и легко сняла игрушку.

Нина Андреевна пылко ее поблагодарила:

– Ох, спасибо! А то заведующая при завтрашнем обходе непременно сделала бы мне замечание. А это как минимум лишение месячной премии.

Подумав, что у них у всех одна проблема: они все до дрожи в коленях боятся за свое место, Наталья позвала дочь, и они дружно пошли домой. Проходя мимо магазина, Ульяна увидела в витрине кучу разных кукол и принялась кланяться у матери одну, уж очень ей приглянувшуюся.

Говорила она в свои три года еще плохо, и Наталья не сразу разобрала ее лепет. Разобрав, мягко сказала:

– Конечно, купим, но не сейчас. Давай после зарплаты?

Дочка задумалась. Она не знала, что такое зарплата, но уступчиво согласилась:

– Давай.

Порадовавшись, что ее Уля не относится к скандальным детишкам, требующим свое с воплями и истериками, Наталья купила ей в утешение чупа-чупс, и они, вполне довольные

друг другом, дошли до дома. Она боялась, что Яков с Раисой опять окажутся неподалеку, ведь жили они в одном подъезде, но тех во дворе не было. Может быть, не захотели услышать от нее очередную гадость? Обычно она была миролюбивой и спокойной, но мелкое хамство Раисы ей осточертело. Решив, что отныне она будет отвечать пакостью на пакость, Наталья вошла в подъезд.

И сразу в нос ударил противный кошачий запах. Многие соседки выпускали своих мурок на лестничную площадку, не удосуживаясь проводить их на улицу. Двери внизу, как правило, были закрыты, вот кошки и устроили себе туалет под лестницей. Убирать за чужими животными никто не хотел, поэтому в подъезде стояла дикая вонь.

Она с дочкой рысью взлетела на третий этаж и открыла дверь своим ключом. Мать с кухни крикнула:

– Это вы, девочки? Ужинать будете?

Наталья поспешно воскликнула:

– Мы не хотим, спасибо, мама.

Ульяна и в самом деле есть не хотела, в детском саду кормили сытно, а вот Наталья была бы не прочь перекусить, она обедала в школьной столовой в два часа. Но выслушивать материнские рассуждения о тяжелой жизни, о том, как было хорошо прежде и как плохо сейчас, было выше ее сил.

После потери работы ее некогда веселая и бесстрашная мамочка превратилась в жуткого нытика. Она до смерти боялась, что ее оставит муж. Что тогда она будет делать одна, без работы, с пятнадцатилетним сыном на руках? Отец тоже сидел без работы, но у него была приличная шахтерская пенсия, кроме того, он постоянно шабашил то тут, то там. Мать же работы не нашла, а пособие, которое ей платили в центре занятости, было смехотворным.

Вот и теперь, не успели они с дочкой переодеться, как мать забежала в комнату. На ней был старый застиранный халатик, в зачесанных назад волосах криво сидел гребешок, делавший ее старой и растрепанной бабенкой.

– Что-то отец задерживается! Не завел бы он кого!

Сидя дома, мать заиклилась на домашних делах и высасывала проблемы из пальца.

– Мама, смотри, накаркаешь!

Мать испуганно прижала пальцы к губам.

– Страшно жить, Наташа, просто страшно.

– Мама, это просто от замкнутости пространства. Научись работать с компьютером, хотя бы в игрушки играй, все будет легче жить, – Наталья пыталась обнадежить мать, но все было напрасно.

– Не знаю. Я к этому компьютеру и подойти-то боюсь.

– А ты не бойся. Вон Славку попроси, он тебя научит.

– Да не будет он меня учить. Зачем ему конкурент? К тому же компьютер у нас старый, на новый денег нет. Еще сломаю чего-нибудь...

Наталья пожала плечами. Каждый день одно и то же. Порой ей казалось, что матери нравится растравлять свои раны. Она читала, что некоторые люди так погружаются в свои страдания, настоящие или надуманные, что выныривать из них не хотят. Но она не психолог, и помочь матери справиться со своими страхами не может. Она столько раз пыталась, но все попусту.

Через полчаса с очередной шабашки пришел довольный отец. Уж слишком довольный, на взгляд дочери. Мать с заискивающей улыбкой выбежала в коридор.

– Все хорошо?

Он пренебрежительно на нее посмотрел.

– Что ты имеешь в виду? – тон был уничижительным. – Дали ли мне денег? Дали. Но тебе я их не дам. Самому мало. Я тебе и так всю пенсию отдаю.

Наталья знала, что мать еле-еле сводит концы с концами, тогда как отец, бывало, поит на свои деньги всех синявок их микрорайона. Закусив губу, слушала жалкое лепетание матери о том, что Славке надо купить кроссовки, ему не в чем ходить.

Выслушав жену, муж барственно заявил:

– Пусть учится вещи беречь! Я в его годы в одних кроссовках несколько лет ходил!

Мать начала его убеждать, что качество тогда было не в пример лучше, и техника служила лет по пятьдесят, а сейчас если новый холодильник пару лет без ремонта проработает, уже хорошо.

– Знаю! – оборвал ее лепет отец. – Это называется преднамеренно ослабленные узлы. Если б в Китае все делали на совесть, то у меня и работенки бы не было. А так хоть ремонтом подхалтурить можно. А Славка перебьется.

Наталья вздохнула. Придется ей купить брату кроссовки. От отца все равно ничего не добьешься. И когда он стал таким? Раньше, когда они оба с матерью работали, ему и в голову не приходило таким образом самоутверждаться. Но теперь с ним жить стало невыносимо. Но мать боялась потерять и такого муженька.

Дочь играла в большой комнате, но скоро прибежала к матери вся в слезах.

– Что случилось, Уля?

– Меня дедушка выгнал. Сказал, чтоб не мешалась под ногами.

Наталья в бессильной злобе сжала кулаки. Нет, что за жизнь у нее! Вечно отец чем-то недоволен! Уж ребенок-то тут при чем? Когда ушел Яков, отец заявил, что она сама виновата:

– Нет, чтоб лишний раз к мужику подластиться, ты все его шпыняла да шпыняла. Сделай то, сделай это! Вот он и сбежал к этой толстой Райке. Она-то его, небось, не шпыняет.

Наталья не помнила, чтоб когда-нибудь шпыняла Якова. А что все делали вместе, то так и должно было быть в нормальных семьях. Когда-то так было и в ее семье. А Якову не ласка нужна была, а иномарка, которую ему Раиса тут же и купила.

Отец пошел на кухню, где в полный голос принялся критиковать мать. И одета-то она как побирушка, и суп-то недосолен, и котлета без мяса. Его голос проникал даже сквозь закрытую дверь, и Наталье поневоле приходилось слушать его вздорные придирки. В прежние времена мать бы просто высмеяла его, и только, а сейчас испуганно оправдывалась.

Наталье хотелось зажать уши руками, но она принялась читать вслух дочери сказку про колобка, чтоб заглушить разборки родителей. Но все равно расслышала, как отец, рывкнув:

– Какая ты занудная стала, Тонька! Давно уйти от тебя надо! – отправился в свою комнату и включил телевизор, заоравший так, что Наталья не слышала собственный голос.

Отложив книгу, она пошла на кухню. Мать сидела за столом, тупо глядя в одну точку. Она не плакала, но в ее взгляде читалось такое отчаяние, что дочь приложила руку к заболевшему от сочувствия сердцу.

– Не переживай так, мама, все наладится! – она подвинула табурет и села рядом, обняв ее рукой.

– Что наладится-то, Наташа? Вот уйдет Виктор, и что мы делать будем? Тебе твоей зарплаты и на дочь-то не хватает, а тут еще мы со Славкой.

– Да не уйдет он никуда. Разве ты не видишь, что он тебя просто пугает? Почему ты не ответишь ему тем же? Когда-то ты его не боялась.

– Тогда я ничего не боялась. Я не знала, что потеряю работу и не смогу даже копейку заработать. И что мне ребенка не на что кормить будет.

От безысходности, звучавшей в материнском голосе, у Натальи защипало глаза. Но она все еще пыталась подбодрить мать.

– Мама, не кисни. Ты же мне когда-то сама говорила, что подобное липнет к подобному. Деньги к деньгам, слезы к слезам, радость к радости. Улыбайся, и все у тебя получится!

Мать сердито отмахнулась.

– Это только глупые слова. А ты никогда сочувствовать не умела. Надсмехаться только. Нет чтобы помочь, глупости всякие мелешь. Лучше бы замуж вышла и уехала, отец хоть меньше бы сердился.

Наталья встала и ушла к себе. Ей отчаянно хотелось вырваться из этого порочного круга. Вот только как?

Она посмотрела на часы. Девять, а брата все еще нет. Он тоже не хочет жить в этом аду, приходит поздно, уходит рано. Он хороший мальчик, но, живя с таким отцом, вряд ли он станет нормальным мужем. Уж скорее таким же тупым скандалистом.

Уложила дочь спать, что в таком шуме сделать было непросто. Просить отца убавить звук бесполезно, это значит нарываться на скандал, в этом она давно убедилась. Заткнула уши берушами и попыталась читать, но даже сквозь беруши прорывался звук выстрелов и крики – папаша смотрел новости. Когда кончались новости по одному каналу, он переключал телевизор и смотрел то же самое по другому каналу. Неужели вид чужих страданий может доставлять удовольствие?

В десять с тренировки прибежал брат. Она вышла в коридор и снова удивилась. Как же быстро он растет! Еще немного, и догонит ее. В кого, интересно, они с ним такие долговязые? Отец среднего роста, мама тоже. Они же с братом будто родом из Скандинавии, высокие, русые, сероглазые.

Подождав, когда брат примет душ, негромко его позвала. Он неохотно зашел в ее комнату. В их двушке, хотя и считавшейся улучшенной планировки, повернуться было негде. Ее комната, которую она делила с дочкой, была двенадцать метров, у родителей восемнадцать. Хорошо хоть, кухня девять квадратов и кладовка в три. Кладовку отвоевал себе Славка в шестом классе, поставил туда диванчик и письменный стол с компьютером. Окон там, естественно, не было, но сидеть за компом можно было и без окна. Он даже шутил, что у него кабинет, как за рубежом. Там часто в офисах окон на всех не хватает. Уроки, он, правда, по настоянию матери, делал в большой комнате, чтобы не портить глаза.

– Чего тебе?

То, что старшая сестра учительствует в его школе, прибавляло ему неприятностей. Она зачастую знала то, что родителям знать было ни к чему. Она не передавала матери и отцу конфиденциальную, как он считал, информацию, но частенько пыталась учить его уму-разуму. А какому-то уму-разуму она его могла научить, если от нее муж сбежал к бабе на десять лет его старше?

Наталья завела его в комнату и закрыла двери.

– Говори тихонько, Уля спит.

Он пожал плечами.

– Тогда приходи ко мне, когда поем. Надеюсь, папаша мне что-нибудь оставил? – они с сестрой отца иначе, как «папаша», не называли.

– Не знаю. Иди посмотри.

– Думаешь, охота? Там наверняка мать сидит. Опять жаловаться начнет. Меня эта тупая семейка знаешь как достала? – с этими словами он нехотя поплелся на кухню.

– А меня-то как достала! – уныло прошептала ему вслед сестра. – Но что делать? Деваться-то ведь некуда.

На кухне раздался жалобный голос матери и недовольный басок брата. Через полчаса, когда все стихло, Наталья зашла в его конурку.

– Как дела?

– Как сажа бела! Не слышала, что ли?

– Я не слушаю чужие разговоры.

– Скажи лучше, что у папаши телевизор так орет, что говорить невозможно, орать приходится. Мать сказала, что папаша заявил, что мне нужно аккуратнее обувь носить. Ему на попойки не хватает.

Наталья не стала обсуждать родителей.

– Кроссовки я тебе куплю. Это не проблема. Давай лучше подумаем, как мать из этой депрессии вытащить.

– А чего ее вытаскивать? Ей и так все нравится. Не нравилось бы, давно бы что-нибудь сделала.

– Что, к примеру?

– Хотя бы папашу за дверь бы выставила. Квартира-то ее.

– Да, но платит за нее отец. У мамы давно своих денег почти нет.

– Ну и дальше бы платил. Он же мне еще алименты должен.

– На алименты вам не прожить. Папашиной пенсии и то едва хватает.

– Это потому что папаша с нами живет. И ему все мало. На него уходит столько же, сколько он и дает. Ты не считала?

– Нет, – несколько ошарашено ответила сестра.

– А я как-то посчитал. Когда он мне заявил, что я нахлебник, недоносок, и что он давным-давно мог бы меня с мамашей бросить, но тогда бы мы от голода подошли. И не бросает он нас только потому, что шибко благородный. Так вот выяснилось, что он сам все свои деньги и проживает. И еще нас при этом укоряет.

– Ты ему об этом говорил?

– Конечно. Воплей было – все соседи слышали. Но, по крайней мере, он меня доставать перестал. Теперь меня мать достает.

– Я о ней с тобой поговорить и хочу. Помнишь, какая она была добрая и веселая? И за папашу не цеплялась.

– Не помню! – отрезал Славка. – Я тогда слишком маленьким был.

– Это не так уж и давно было. Шахты три года назад закрыли. Тогда и мама изменилась. Не сразу, но она испугалась жить. Нам надо напомнить ей, как хорошо быть независимой.

– И как это сделать? – скепсис из Славки сочился из всех пор. – Работы в нашем городишке ей не найти.

– Но ведь есть интернет. А мама была классным бухгалтером.

– Ты правильно сказала: была. А теперь она классный нытик.

– Тебе ее надо немного поднатоскать работать на компе. И она все вспомнит.

Но брат не мог понять, зачем это надо.

– Ты что, думаешь, будет лучше, если она будет жаловаться на жизнь друзьям и знакомым в Одноклассниках и ВКонтакте?

– Я думаю, она работу сможет найти по интернету. Давай-ка набери в поисковике: «бухгалтер ищет работу».

Славка нехотя выполнил ее просьбу и удивленно присвистнул.

– Однако! Я и не думал, что это такая нужная профессия.

– Работа востребованная. – Наталья и сама удивилась тому, что увидела. – Давай-ка я маму позову.

Мать все еще сидела на кухне, понурая и заплаканная.

– Мама, иди, я тебе что-то покажу!

Та нехотя поднялась и побрела на зов. Едва зайдя в комнату к сыну, начала стонать:

– Если вы мне что-то по вашему компу думаете показать, то напрасно. Я в нем ничего не понимаю.

Славка сдержанно предложил:

– Ты только посмотри, мама, скольким фирмам требуется интернет-бухгалтер!

Та даже смотреть не стала.

– И что толку? Я в этих программах ничего не понимаю.

В разговор вступила Наталья.

– Мама, в центре занятости есть курсы компьютерной грамотности. Ты вполне могла бы туда записаться, они бесплатные.

– Да зачем мне эта ваша компьютерная грамотность! Я все равно ничего не пойму!

– Да ты просто ничего делать не хочешь! – не выдержал Славка. – Сидеть да ныть это просто простого! Да за папашу цепляться!

– Как ты смеешь так с матерью разговаривать?! – мать смотрела на сына так, будто видела его в первый раз в жизни. – Сейчас как дам по шее!

– Смотри-ка ты, ожила! А я думал, ты только ныть умеешь! Вот возьми да папаше это скажи. Я-то стараюсь, чтоб тебе же лучше было, ну и мне, естественно. Чтоб ты человеком наконец-то стала, а не ведром помойным, как тебя папаша величает.

Мать отшатнулась, как от удара. Наталья постаралась смягчить грубые слова брата.

– Мама, ты забыла, что значит себя уважать. Ты не прислуга, которую можно унижать, как вздумается. Ты хороший специалист. Вспомни, как тебя уважали на работе. Я уверена, если отец поймет, что ты в нем не нуждается, он будет тебя уважать. Ведь уважал же он тебя прежде?

– Прежде он меня любил. А сейчас нет.

– Неужели ты его до сих пор любишь? У тебя что, чувства самосохранения совсем нет? Он же тебя планомерно уничтожает как личность. Ты сама подумай об этом, мама. А чтоб вырваться из этой патологической зависимости, тебе нужно снова обрести себя. Ты же себя потеряла.

Мать сердито огрызнулась:

– Это я и сама знаю. Просто мне страшно. Я уже и из дома-то выйти боюсь. Все кажется, что надо мной последняя собака смеется.

– Мама, ты предаешь слишком большое значение собственной персоне. Люди, как правило, поглощены собственными делами. Вот вспомни, когда ты в последний раз встречалась со знакомыми, они много тебя расспрашивали о жите-бытье? Они наверняка тебе о себе говорили. Нормальным людям интересны только они сами.

Славка великодушно предложил:

– Если ты уж так боишься, то я могу завтра с утра с тобой в центр занятости сходить. У меня утром первого урока нет. И смотри, сколько предложений для бухгалтеров, знающих 1С и компьютер. Ты деньги мешками огребать будешь! Только чур, вечером за компом сижу я!

Посмотрев на экран, мать тихо попросила:

– Дай посмотрию. – Прочитав объявления, она задумчиво согласилась: – Это я знаю. Мне бы только припомнить маленько да изменения в законодательстве посмотреть. Ну и программы эти освоить. Покажи мне, что тут делать нужно.

Славка принялся показывать матери, что к чему, а Наталья ушла к себе. Телевизор за стенкой стих, отец завалился спать. Но вот и мать тихонько, чтоб не разбудить отца и не вызвать новых попреков, проскользнула в свою комнату, перестал тарыхтеть компьютер у брата, а она никак не могла уснуть.

Душа болела. Но почему? Ничего нового не случилось. Все как всегда. Может быть, весна растревожила в ней сожаление о своей неудавшейся жизни? Но ведь ей всего-то двадцать пять. Не так уж и много. Просто она так устала от своей нелепой жизни, что в счастье уже не верит. Да и что такое счастье? Это просто отсутствие несчастья. А, следовательно, она вполне счастлива.

Но уговоры не помогали. Хотелось чего-то доброго, хорошего. Чтоб кто-то говорил ей нежные слова. Чтоб не обманывал и не юлил, как бывший муженек. Вспомнилось, как он ухаживал за ней еще в школе. Они учились в одном классе. Может быть, он просто привык у

нее списывать, и решил, что так будет всегда: она делает, а он у нее за спиной? Яков никогда мужественностью не блистал.

Зачем она за него замуж-то пошла? Думала, что любила? Наверное. Им, в принципе, было хорошо вместе. Посмеяться, поболтать. Но она не поняла, что он просто друг, а вовсе не любимый человек. Вот и получила. Как только появилась возможность найти себе мамочку покруче, он тут же слинял. Ему нужна была только сытная кормушка. Если вдруг поблизости появится кормушка посытнее, чем у Райсы, он, не задумываясь, поменяет стойло.

Если бы не было Ульяновки, она могла бы что-то изменить. Уехать в большой город, найти работу, снять квартиру. Была бы сама себе хозяйка. Конечно, она любит дочку, но все же, все же...

За окном свистали соловьи, будя совершенно ненужное волнение плоти. Завтра рано вставать, вести дочь в садик к восьми часам, а она никак не может заснуть, хотя на часах уже третий час ночи.

На следующий день ее вызвала к себе завуч. Светлана Николаевна, пряча глаза, положила на стол ее тетрадь с планами уроков.

– К сожалению, Наталья Викторовна, ваши планы ниже всякой критики. Вынуждена вас предупредить: – если вы и дальше будете так работать, то нам с вами не по пути.

Наталья пристально посмотрела ей в лицо.

– Место пытаетесь для племяшки освободить, Светлана Николаевна? А вы подумали о том, что наши дети далеко не фунт изюма и вполне могут ее до кондрашки довести?

Завуч горделиво поднялась, вся багровая от смеси стыда и досады.

– Да как вы смеете, Наталья Викторовна, разговаривать со мной таким тоном!

Наталья тоже встала и посмотрела на нее сверху вниз.

– Смее, потому что это глупые придирки, и ничего больше! Есть ведь еще в области квалификационная комиссия, если не помните. И комиссия по трудовым спорам. И профком, на крайний случай. Так что пристраивайте свою племяшку куда-нибудь в другое место. И лучше всего не в нашем гиблом городишке.

Она вышла, даже не хлопнув дверью, как хотелось.

Посмотрела на руки, они дрожали мелкой злой дрожью. Да что ж это такое?

Пошла на урок, где Игорь Петров попытался рассказать, чем женский скелет отличается от мужского. Получилось это у него на редкость похабно.

– Ну что ж, за знание предмета я тебе ставлю пять, а за манеру изложения – два. – Она поставила обе оценки в дневник и подала Петрову. – Родителей не вызываю, знаю, что бесполезно.

Тот небрежно взял дневник и подтвердил:

– Конечно. Мамка за товаром уехала, а папаша после запоя еще не очнулся.

Наталья внезапно заинтересовалась.

– Слушай, Игорь, а жизненные планы у тебя какие?

– Чего-чего? – от неожиданности он остановился на полдороге и застыл, не зная, что ответить.

Класс затих, ожидая ответа.

– Кем ты стать-то хочешь? Челноком или пропойцей?

Петров набычился.

– Никем я быть не хочу.

– Это значит безработным? На бирже труда вечно в очереди стоять, как американские негры?

– При чем тут негры?

– Они работать не хотят, и из поколение в поколение пособие по безработице получают. Но Америка страна богатая, там на это пособие жить можно, а у нас нельзя.

– А он в Америку поедет, негром прикинется, и пособие будет получать. – Посоветовал ему Виталий Иванов.

Петров показал насмешнику внушительный кулак.

– Я рэкетиром буду. Вон Виталька деньги на вахте заработает, а я их у него заберу. Но не все, а половину, чтоб с голоду не подох. Потому что я добрый.

– Это что, тюремная романтика? «Украл, выпил, в тюрьму»? – Наталья процитировала всем знакомый фильм «Джентльмены удачи», и дети довольно рассмеялись. – Ладно, закончим посторонние разговоры. Записывайте домашнее задание.

После уроков она не осталась в школе, как обычно, а принялась шататься по их небольшому городку. Раньше здесь было два автобусных маршрута, теперь не осталось ни одного. Если нужно было что-то отвезти или привезти, приходилось договариваться с знакомыми. И не бесплатно. Деньги нужны были всем.

Она устроилась на скамейке в скверике возле детского сада. Положила рядом тетради учеников с домашними заданиями, принялась их проверять. До шести оставалось еще три часа. Домой идти не хотелось. Зачем? Опять выслушивать материны жалобы и попреки?

К тому же в сквере было так хорошо! Пусть его давно не убрали, пусть клумбы заросли сорняками, зато как сладко пахла сирень, и задорно пели птички в кустах!

Она углубилась в работу и не заметила, как пролетело время. Выпрямившись, почувствовала, как от неудобной позы заныло все тело. Собрала тетради, засунула их в сумку, покрутила головой и руками. Оглянувшись, не видит ли кто, несколько раз нагнулась, разминая затекшие мышцы.

Медленно прошла по разбитой аллее и вышла на проезжую часть. До садика оставалось метров двести, когда рядом с ней затормозил черный Вольво, и из него барственно вышел Яков.

Наталья вздохнула. Сейчас опять начнет пороть всякую чушь! Интересно, а куда делся простой веселый парень, с которым она дружила все школьные годы? Неужели вот этот высокомерный остопоп это он и есть?

– Привет, Наташка! – по-свойски поздоровавшись, он перегородил ей дорогу. – Погодь немножко, нужно поговорить.

– О чем? Может, алименты решил платить? Как благородный человек?

Яков несколько смутился.

– А где у меня деньги? Я же нигде не работаю. И своего у меня ничего нет.

– Умная дамочка эта Раиса. Знает, чем тебя можно купить. Купленные мужья тем и ценны, что хорошо знают, кто их хозяин. Я вот только думаю, что есть ведь одинокие дамочки и побогаче.

– Хватит гадости говорить! Я от тебя потому и ушел, что ты без перерыва гадости говорила.

– Я их тебе всю нашу учебу говорила, что ж ты на мне женился? Только не говори, что решил меня перевоспитать. Тебе мои шутки в то время очень нравились.

Яков решил не ввязываться в спор, в котором заведомо проиграет.

– Я тебя хотел попросить гадости больше Рае не говорить. Ты же понимаешь, она потом на мне отыгрывается.

– Да? Это замечательно! Я сегодня же к ней в магазин схожу и скажу, что она с каждым часом жизни с тобой все сильнее стареет. Скоро ее от твоей мамочки будет не отличить.

– Ух и язва ты, Наташка! – Яков невольно засмеялся. – Уехала бы ты, что ли? Всем бы жить стало легче.

– Я к вам, заметь, не лезу. Кто вчера меня первый подколоть пытался? А все потому, что раньше я молчала. Но больше молчать не буду. Так что не хотите неприятностей, идите молча мимо.

– Слушай, я тебе дело говорю. Оставила бы Ульку матери, она все равно дома сидит, и попыталась уехать куда-нибудь. Специальность у тебя хорошая, тебе везде устроиться можно. Не то, что мне.

– А кто тебе учиться запрещал? Или сейчас запрещает?

Он нахмурился.

– Издеваешься? Я же благодаря тебе школу закончил.

– И ты меня достойно отблагодарил. Спасибо! – Наталья издевательски поклонилась.

Яков бросил на ходу:

– С тобой вообще разговаривать невозможно. Ты в настоящую стерву превратилась! – сел в свою иномарку и укатил.

Наталья прикусила губу, чтоб не заплакать. Она тоже заметила, что превращается в мегеру. Но ведь она никогда такой не была! Что же это с ней? Нервы от такой жизни сдают? Как же ей вернуть ту ласковую и веселую девочку, какой она была совсем недавно?

Забрала дочку из детсада, пошла с ней домой. Улька прыгала вокруг нее, теребя за руку и рассказывая обо всем, что с ней приключилось за день. Наталья с трудом вслушивалась в лепет дочки, прорываясь сквозь неприятные размышления. Под конец Уля тоже заметила, что мама слушает ее плохо.

– Ты устала, мамочка? – она сочувственно прижалась к ее руке.

От этого сочувствия у Натальи из глаз брызнули слезы. Как давно ей никто и ни в чем не сочувствовал, только винули.

– Немножко. Но мы уже пришли. Не шуми, если дедушка дома, хорошо?

Малышка нахмурилась и кивнула головой.

Дед и впрямь был дома. И не один. На кухне с ним пиновала его пьяная компания – трое мужиков и две бабы. Одна из них откровенно вешалась ему на шею.

Мать сидела в комнате Натальи, растерянно глядя в окно. Услышав открывающуюся дверь, повернулась к дочери и убито проговорила:

– Видишь, что делается? Он ее уже сюда привел!

– Мама, эта квартира – твоя. Если вы будете разводиться, отец на нее никаких прав иметь не будет. Почему ты эту кодлу не выгонишь? Чего ты боишься?

– А вдруг он вместе с ними уйдет?

– Это будет просто замечательно! Мне вчера Славка сказал, что на папашу уходит ровно столько, сколько он тебе и дает. Что ты теряешь?

Мать испуганно затеребила конец фартука, не зная, что сказать. Из кухни раздался женский визг и грубый мужской смех, скорее ржание. Расправив плечи, Наталья пошла на кухню.

Там среди клубов сизого дыма веселилась запойная компашка. Наталья встала в дверях и окинула их презрительным взглядом.

– Так, граждане, быстро пошли отсюда!

Отец тут же вскинулся.

– Ты тут не командуй, ты тут никто! Тоже мне, разведенка еще командовать нами будет!

Наталья презрительно усмехнулась.

– Считаю до трех и вызываю полицию. Кто смелый, может оставаться. Раз...

Мужик, сидевший с краю, насмешливо предложил:

– Ты, краля, наверняка тоже с нами посидеть хочешь? Садись, не стесняйся, мы тебе тоже нальем! – и издевательски привстал, уступая ей место.

Она сделала к нему быстрый шаг, схватила за грудки, и, не успев опомниться, как она выволокла его на лестничную площадку и захлопнула за ним двери. Вернулась на кухню и спокойно сказала:

– Два!

Поднялся еще один мужик и, опрокинув в себя стакан с водкой, извинился:

– Ты меня прости, Витка, но встречаться мне с полицейскими никак нельзя, сам понимаешь. Так что я лучше пойду. И вообще, чего мы тут потеряли? На улице весна, птички поют, а мы тут в духоте расслаживаем. Пошли на природу, а?

Бабы поднялись, приговаривая:

– Ну и дурная у тебя девка, Витек! Весь кайф нам обломала. Мы к тебе больше в гости не придем, и не зови!

Они сгребли все, что было на столе, и ушли. Разъяренный папаша принялся наступать на дочь, маша кулаками перед его носом. Наталья не дрогнула.

– Не пугай, не страшно! Я ведь и сдачи дать могу. Не думай, что побоюсь.

Поскольку дочь была выше его на полголовы, папаша решил с ней не связываться. А то и в самом деле чем-нибудь треснет. Прецеденты уже были. Он решил отыграться на жене. Прошел в комнату и елеиным голосом заявил:

– Что, доигралась? Я ухожу. Обратно меня не ждите. Завтра-послезавтра за вещами приду. Чао! – и вышел.

Мать встрепелулась, моляще протянула к нему руки, и тут же уронила их обратно.

– Ну, и чего ты добила? Ну, ушел он, и дальше что?

– Хорошо бы, если бы ушел. Но я в этом сомневаюсь. Он вернется и крови тебе еще немало попьет.

– Ты меня никогда не понимала! От тебя горе одно! Уехала бы ты, насколько без тебя жить бы стало легче! – мать завывала, как на поминках.

Наталья посмотрела на мать долгим взором.

– Хорошо мама, я уеду. Раз уж все вы так этого желаете. Вот закончатся занятия в школе, и уеду. Надеюсь, ты понимаешь, что Ульяну мне придется на время оставить? Устроюсь, сразу ее заберу.

Мать опешила, такого она не ожидала. Она столько раз говорила это дочери, но та, казалось, не обращала на ее слова никакого внимания. Но гоношисто заявила, решив, что это пустые обещания:

– Вот-вот, давно пора. Мы без тебя давно жили бы нормально.

– Хорошо, мама. Может быть, ты пойдешь к себе? У меня много дел.

Та вышла, ворча, что ее из ее собственной комнаты выгоняют, ведь квартира-то ее.

Наталья упала на диван и обхватила голову руками. На душе было так горько, что желудок сжалось как тисками, и начало тошнить. Она не помнила, когда ей было так плохо. Она опустила голову ниже колен и принялась глубоко дышать, чтоб успокоить бунтующий желудок. Минут через десять отпустило.

Дочка мирно играла рядом, уговаривая куклу что-нибудь спеть. Наталья погладила ее по головке и пробормотала:

– Бедная моя! Я-то хоть в нормальной семье росла, с добрыми бабушками и дедушками, а тебе ничего не досталось!

С тех пор, как Яков связался с Раисой, и та разрешила бедным родственникам мужа в разумных пределах брать в ее магазине продукты бесплатно, его родители старались с внучкой лишней раз не видаться, не ровен час об этом новая невестка прознает и разобидится. Так что, по сути, Ульяна и не знала, что такое любящие бабушки и дедушки.

Громко хлопнула входная дверь, Славка вернулся с улицы рано. Первым делом заглянул к сестре.

– Слушай, там на детской площадке папаша со своей кодлой бухает. Хорошо, что меня не заметил. Чего мать опять ревет?

– Я отца с его компашкой из дому выгнала, он ей пообещал, что больше не придет.

Брат восхитился.

– Вот здорово! Молодец!

– Да он еще появится. Куда ему деваться?

– А он к той бабе уйдет, что на нем сейчас виснет. Это Ольга, у нее своя комната есть. Я у нее даже как-то был. Мы к ней с папашей заходили.

– Мать переживает.

– А это ей нравится – переживать. Сегодня я ее отвел-таки в центр занятости, записал на курсы. Так еще не попробовала, но давай ныть – ой, я не пойму, я не смогу! Там молодежь одна, мне стыдно! А там все такие же, как она. В общем, занятия в понедельник, придется опять с ней тащиться.

– Правильно. Потом она привыкнет. Ты завтра после уроков сможешь ко мне подойти? Пойдем кроссовки купим.

Славка взбодрился.

– Смогу, конечно. Встретимся у школы.

Он ушел к себе. Наталья уложила дочь спать и задумалась. Легко сказать, уехать. Куда? В областной центр? Но у нее там ни друзей, ни родных. Есть, конечно, какая-то дальняя родня, но вряд ли они будут ей рады. Ей же нужно будет жить у них несколько месяцев, прежде чем она найдет работу и заработает достаточно, чтоб снять себе жилье.

Так куда? Она знала, что в деревнях зачастую нужны учителя, и даже жилье дают. Нужно разузнать, может быть, она сможет устроиться неподалеку?

На следующий день она сходила с братом за кроссовками. Славка был поражен – она купила ему не китайские, самые дешевые, а вполне приличные итальянские.

– Ничего себе! За такие деньги можно было взять три пары китайских.

– Да, которых тебе хватило бы ровно на три месяца. Пара на месяц. Так ведь?

Он смущенно подтвердил:

– Ну да. Папаша говорит, я беречь вещи не умею. А мне что, босиком ходить, а обувь в портфеле носить?

– Дело не в тебе, а в качестве. Посмотрим, сколько ты проносишь эти.

Вечером, придя домой, нашла квартиру пустой. Брат пришел после тренировки около девяти, довольный новым приобретением.

– Классные кроссовки! В них не бегаешь, а летаешь!

– Ты не знаешь, где мама?

Он удивился.

– А что, ее нет?

– Нет. И записки она тоже не оставила.

Брат вздохнул.

– Сколько раз ей говорил: купи себе сотовый! Есть же совсем дешевые, по акции. Так ведь ей не надо! Вот где теперь ее искать? Десятый час уже. Она раньше никогда так долго не задерживалась. Может, она у подруги какой-нибудь?

Наталья задумалась.

– Ты говорил, что знаешь, где живет эта самая Ольга? Далеко?

– Да нет, в паре кварталов от нас.

– Сходи посмотри, нет ли там матери поблизости.

Поморщившись, брат убежал, а Наталья принялась готовить ужин. Через полчаса появились брат с матерью. Славка презрительно заявил:

– Представляешь, она под Ольгиным окном сидела и ныла! Посмешище! Вот папаша-то повеселился!

– Мама, как ты можешь так унижаться?! – Наталья не смогла сдержать негодования. – Уважай себя хоть немного!

Сердито на них посмотрев, мать ушла к себе, а брат с сестрой устроились на кухне и принялись за ужин.

– Что с ней делать? – брат был по-настоящему зол. – В какие-то веки избавились от папаши, так мамаша его обратно выпросит! Мне здесь жить уже не вмоготу. Я вообще не понимаю, ты-то чего тут потеряла? Тебе что, нравятся эти постоянные скандалы? Я б на твоём месте давным-давно смотался.

Наталья внезапно рассмеялась.

– Я так и собираюсь сделать. Только ещё не знаю, куда.

– Ты что, серьёзно?

– Ну да.

Он призадумался.

– Ты слышала про Ивановку?

– Ивановок много. Ты какую имеешь в виду?

– Она на севере нашей области, в тайге. Там классно. Помнишь, я в прошлом году в летнем лагере был?

Наталья кивнула.

– Я там с парнем познакомился. Его Мишка зовут. Берсенев. Так вот, у него отец – директор школы. И вот в этой школе как раз нужен учитель биологии, он мне писал. Если хочешь, я сейчас с ним по интернету свяжусь и все узнаю конкретно.

– Свяжись поскорее. Если там есть приличное жильё и Ульку в садик можно устроить, то я поеду, конечно.

Поев, Славка включил компьютер и уже через пять минут доложил сестре:

– Там для учителя служебная квартира. Благоустроенная. И огород есть. К работе можно приступать прямо сейчас.

– Прямо сейчас не получится. Мне нужно учебный год закончить. Но я завтра документы свои отсканирую, и ты сканы пошли. Чтоб уж было наверняка.

Глава вторая

Ивановка оказалось не деревней, а большим селом с добротными пятистенками из лиственниц и пятиглавым собором на центральной площади. Наталья ехала сюда целый день. Сначала пришлось доехать до областного центра, а уж потом купить билет до Ивановки. И даже не до нее, а до райцентра, но в кассе сказали, что водитель все равно до Ивановки их довезет.

Автобус тащился по дороге три часа. Наталья, вставшая в шесть утра, задремала, и проснулась от громких слов водителя:

– Ивановка! Дальше автобус не пойдет.

Поблагодарив его за поездку, Наталья вышла из автобуса. Она не предполагала, что ее кто-то будет встречать, и гадала, как дотащить тяжеленный чемодан с сумкой до обещанной ей квартиры.

Но на остановке стоял худощавый парень немного выше ее, с которым все выходившие пассажиры здоровались с подчеркнутым уважением. Выхватив ее опытным взглядом, парень подошел к ней.

– Добрый вечер! Вы, наверное, Наталья Викторовна?

– Да! – это у нее прозвучало слишком обрадовано, и она прикусила язык.

Парень легко поднял ее чемодан и пошел по дороге, говоря на ходу:

– Я Павел. Павел Владимирович. Меня директор школы послал вас встречать. Сказал школьный автобус взять, но тут идти-то десять минут. Я здешний учитель математики, физики, военного дела и физрук по совместительству.

Наталья не поверила своим ушам.

– Такая нагрузка? Как вы справляетесь?

– Вот-вот, я тоже часто думаю: и как это я справляюсь? И Дмитрию Сергеевичу это же говорю.

– А он что?

– Он говорит: надо меньше думать, и больше делать. Так что у вас тут жизнь тоже сахаром не будет. Ботаника, анатомия и биология – это все ваше. Ну, может еще какой факультатив подкинут, не знаю.

Наталья онемела.

– Но вы не пугайтесь. У нас по одному классу, но зато полные, по тридцать человек есть.

– А что, разве из села никто не уезжает? Мне казалось, сейчас молодежь из деревень в города вся подалась.

– А смысл? У нас есть все, что и в городе: телевизоры со спутниковыми антеннами, компьютеры с интернетом, магазины вон с разным шмотьем и к тому же воздух чистый. Тайга.

Это Наталья почувствовала сразу, как только вышла из автобуса: от пряного смолистого воздуха с непривычки кружилась голова.

– Вы местный? – Почему-то ей казалось, что нет. Был в нем какой-то нездешний лоск.

– Нет. Я из областного центра.

– А здесь как оказались?

– Так же, как и вы. Увидел объявление в газете, решил попробовать, и вот уже год здесь учительствую.

– Так понравилось?

– Угу! – тон был ироничный.

Наталья проницательно посмотрела на него. Павел был слишком красив и уверен в себе, чтобы вот так просто похоронить себя в такой глуши. Что-то тут не вязалось, но что, она не понимала.

Они подошли к длинному каменному дому, резко отличавшемуся от деревянных изб села. Павел поставил ее чемодан возле второго палисадника, заросшего крапивой и пыреем.

– Палисадник ваш. Никто за ним не ухаживал, уж извините. Директор запрещает привлекать детей к труду на благо учителей. А мы, соседи, как-то не сподобились. Но, думаю, еще не поздно высадить какие-нибудь цветочки. Всего здесь пять квартир. Участки у всех по десять соток. Если вам этого будет мало, хозяйство выделяет всем желающим еще до пятидесяти соток за околицей.

– Зачем столько? Мне и десяти-то не нужно. Я живность держать не собираюсь.

– Учителям же немного платят. Можно, к примеру, картошку на продажу выращивать. Здесь многие так делают.

– И вы тоже?

– Нет, у меня семьи нет. К тому же у меня другие подработки.

Наталье хотелось узнать, что это за подработки, но она сдержалась. Ни к чему любопытствовать зря. Оглядев длинный неказистый дом, удивленно спросила:

– Это что? Такое чувство, что к России он никакого отношения не имеет.

– Правильно! Это германский таунхаус, или попросту многоквартирный одноэтажный дом. Один из районных депутатов в Германию за передовым опытом на казенные деньги съездил, этот проект привез и настоял, чтоб построили. Он думал показать нашим крестьянам, какими должны быть настоящие сельские дома.

– Кошмар какой! И что, в нем удобно жить?

– Удобства в нем городские, а жить неприятно. Мало того, что он чужеродный селу, так еще зимой тут жутко холодно. Стены слишком тонкие. И воздух тяжелый, кирпич это не дерево. Летом в жару дышать вообще нечем.

Наталья пожала плечами.

– Я в такой же бетонной коробке живу. Не привыкать. Не думаю, что будет хуже.

Павел приподнял лежащий у порога кирпич. Под ним оказался ключ. Открыл дверь и вошел, подхватив чемодан. Удивленная Наталья вошла следом.

– Здесь что, воров нет?

– Ни разу не слышал, чтоб кто-то что-то спер. Село староверов, здесь такое не приветствуется. Впрочем, в деревнях кражи вообще редки. Если только по пьяни.

– Тогда зачем было ключ под кирпич засовывать? Можно было его в дверях оставить.

– Сельчане так и делают. Когда из дому уходят, они ворота закрывают на жердочку со стороны улицы, чтоб сразу было видно – хозяев дома нет.

– И никто не залезает?

– А зачем, если хозяев дома нет? Если только их подождать в дождь или непогоду в доме.

– Я будто на машине времени вернулась лет на сто назад.

– Вот-вот, у меня точно такое же было чувство, когда я здесь впервые появился. Хочу предупредить, вам наверняка соседи продукты на первое время принесут. Так вы не отказывайтесь, а то обидятся. И не дай бог вам взять кринку молока у тети Маруси, а у тети Глаши не брать! Обида будет смертная. Конкуренция, вы понимаете?

Наталья широко открыла глаза.

– А куда я их девать буду?

– Пить! Молоко, его, знаете, пьют. Впрочем, можете и делать из него что-нибудь. Хотя это что-нибудь и так принесут.

Он поставил чемодан на стул в прихожке и принялся прощаться:

– Уже поздно, мне пора. Я в соседней квартире живу, ежели что, обращайтесь.

Она задержала его.

– Может, будем обращаться к друг другу на «ты»? Без учеников, конечно.

– Давай! – он легко согласился. – Ну, пока!

Павел вышел. Наталья выглянула из окна и увидела, что пошел он вовсе не домой, в соседнюю квартиру, а вдоль по дороге. Красивый парень, хотя и задиристый. В принципе, он ей понравился. Хорошо, что они будут вместе работать. Да и в жизни к нему можно за помощью обратиться. Все-таки в таком доме без мужских рук не обойтись. Хотя, возможно, есть рабочий по обслуживанию здания? Это уже легче. Конечно, гвоздь в стену она и сама вбить может, но вот кран починить это уже проблема.

Включила свет, уже совсем стемнело, и принялась осматриваться.

Квартира состояла из двух просторных комнат, кухни, кладовой и ванны с туалетом. В комнатах стояла приличная мебель. Более того, в шкафу она нашла одеяла, постельное белье, а на кухне – посуду и кастрюли. Были даже ложки с вилками и пара ножей. А уж притулившийся в углу огромный холодильник ее просто умилил. Что ей в нем хранить?

В большой комнате на тумбочке стоял небольшой телевизор. Она посмотрела марку – Сони. Ну и ну! Включила – он работал, и качество изображения оказалось куда выше, чем дома у отцовского Самсунга.

Это все осталось от предыдущих поколений жильцов, или так снабжаются все учителя? В коридоре было две двери – одна вела на улицу, откуда они с Павлом заходили в дом, другая на ее участок. Наталья выглянула в огород, но разглядеть ничего не смогла, хотя здесь, на севере, вечерами было еще светло.

Отложив обследование участка на завтра, так же как и визит к директору школы, приняла душ, порадовавшись горячей воде, и упала в постель. Смутно подумалось: интересно, никто не будет к ней ломиться посреди ночи? Она знала привычку некоторых деревенских парней считать приехавших учительниц народным достоянием. В свое время ее подруга была вынуждена уехать из деревни по этой причине.

Но обдумать эту проблему не успела, провалилась в глубокий безмятежный сон, и не просыпалась до утра. Утром ее разбудил солнечный луч, упавший прямо в глаза; вечером она забыла задернуть шторы на окне. Сев на постели, недоуменно огляделась. Припомнив вчерашнее путешествие, посмотрела на часы. Восемь утра. Пора вставать.

Выйдя из дома, посмотрела по сторонам. Куда идти? Вчера Павел махнул рукой в сторону, показывая, где школа, но вот куда же он махнул? Она подсадовала на себя. Вот что значит стадный инстинкт! Шла за вожаком, как овца, и не запомнила ориентиры.

Посмотрела по сторонам. Может, кто пройдет мимо? Но никого не было. Что ж, придется зайти к Павлу, хоть и не хочется: не решил бы он, что она ему навязывается.

Осторожно постучала в его дверь. Никто не отозвался. Наверняка он уже в школе. А она опаздывает в первый же день. Нехорошо. Со стороны огорода донеслись какие-то непонятные звуки, и она, осторожно обойдя дом, оказалась на участке Павла.

Непонятные звуки оказались громким фырканьем. Павел обкатывался водой из колодца. Он стоял в одних черных плавках босиком на каком-то скользком листе весь мокрый. Увидев ее, понятно сказал:

– Что, не знаешь, где школа?

Впечатленная буграми перекачивающихся под загорелой кожей мускулов, она смогла только молча кивнуть.

– Подожди меня пару минут, я сейчас.

Он вошел в дом через черных вход, а Наталья вышла на улицу тем же путем, что и зашла. Павел вышел через пять минут. На нем была черная безрукавка и черные обрезанные джинсы. Он был больше похож на пирата, чем на благопристойного учителя. Сама Наталья нарядилась в скромный сарафан, приличествующий сельскому учителю.

Перехватив ее недоуменный взгляд, Павел спокойно пояснил:

– Занятия кончились, я теперь выступаю в качестве маляра.

Наталья сразу догадалась.

– Школу ремонтируют учителя?

– Ну да. Каждый год. В этом году районо хоть деньги на ремонт выделило, а то в прошлые годы за свой счет.

– Но старшеклассники-то помогают?

– Что ты! Это же эксплуатация детского труда! Директор окочурится, если увидит такое нарушение конвенции о правах ребенка! – с ужасом заявил Павел, открещиваясь от нее, как черт от ладана.

Наталья недоуменно заморгала. Ее удивляло и использование Павлом жаргонных словечек, и странное отношение директора к своим подопечным. В ее школе не считалось зазорным привлекать учащихся к посильным работам.

– А как практика по ботанике? Ее не отменили? Это же тоже детский труд.

– Практика входит в школьную программу, а ремонт, к сожалению, нет.

За разговором они дошли до школы. Наталью поразило основательное здание школы.

– Это лиственница. Зданию почти две сотни лет. Впечатляет?

Наталья, задрав голову разглядывавшая зеленую черепицу школы, очарованно признала:

– Впечатляет. Я никогда таких толстенных бревен не видела.

– Таких сейчас, наверное, и нет.

Они подошли к школьному участку, и Наталья остановилась, стараясь сориентироваться.

– Не стоит удивляться. Учительнице биологии Клавдии Петровне хорошо за семьдесят.

Она заболела, в связи с чем вынуждена уйти на давно заслуженный отдых.

– Вот как? Очень странный тут порядок. Это каждый год так?

– Конечно! Клавдия Петровна преподавала еще при Сталине. Понятно, шаг вправо, шаг влево – расстрел без права на помилование. Слева – грядки с овощами, справа – цветник, все строго по ранжиру. Дисциплина, дисциплина и еще раз дисциплина! Если вздумаешь что-то менять, берегись! Она этого не снесет, с ней даже Дмитрий Сергеевич не спорит, она же заслуженный учитель РСФСР.

– Понятно. Но сейчас совершенно другие требования.

– Неужто что-то менять будешь? – Павел дурашливо закатил глаза и прижал руку к сердцу. – Сколько в тебе отваги!

К школе подошли еще учителя, тоже в рабочей одежде. Павел поздоровался с мужчинами за руку, дамам отвесил ироничный поклон.

– Знакомьтесь: это Наталья Викторовна, наша новая биологичка. А это наши учителя... – Он перечислил имена-отчества подошедших, но Наталья запомнила только двух: Матвея Константиновича, потому что тот окинул ее каким-то слишком пристальным взглядом, да Дмитрия Сергеевича, двойного тезку директора.

Но вот к школе подошли еще две учительницы, и Павел как-то сразу погрустнел и подтянулся.

– Знакомьтесь: Елизавета Александровна, завуч, она иностранные языки ведет, английский и французский, немецкий факультативно. Жанна Дмитриевна, русский и литература.

При этом его голос странно дрогнул, и Наталья заметила, что он смотрит на Жанну тоскливыми горестными глазами. Ей враз все стало понятно. Вот почему он променял город на это село. Девушка и впрямь была очень хороша, светловолосая, с изумительно красивыми синими глазами, прямо Снегурочка из русских народных сказок. Наталья даже немножко ей позавидовала. Очень красивая пара. Но что-то у них не заладилось, это было видно сразу. Жанна была очень похожа на Елизавету Александровну, и Наталья решила, что это мать с дочерью.

Все пошли внутрь. Учителя привычно разделились на группы и принялись за ремонт, а Наталья пошла знакомиться с директором. Его кабинет оказался на втором этаже. Потолки в школе были метров по пять, и от ее шагов по пустынному коридору проносилось шелестящее эхо.

Дойдя до кабинета директора, она посмотрела на строгую табличку с надписью «директор» и ощутила внезапную робость. А вдруг она ему не понравится? И придется ей возвращаться несолоно хлебавши. А обратно ехать не хотелось ужасно.

В ушах вдруг раздалось прощальные слова матери:

– Прости меня, Наташа, я сама не понимаю, что со мной творится. За Ульянку не переживай, устраивайся на новом месте. Надеюсь, у тебя все будет хорошо. Может, еще и парня найдешь подходящего, не то, что твой бывший заморыш.

Наталя грустно усмехнулась. Где ж их взять, подходящих-то? Все нормальные парни давно пристроены. Видно, ей придется всю жизнь куковать в одиночестве. Она задумалась. Интересно, а как в этой патриархальной деревне относятся к разведенным женщинам? Наверняка не слишком хорошо. Будут считать, как и ее отец, что виновата в этом только она сама.

Немного потоптавшись на месте, сообразила, что ведет себя как напроказивший двоечник, и решительно постучала в дверь. Тишина. Пожав плечами, толкнула дверь и оказалась в пустой приемной. Секретаря за столом не было. Постучала в дверь с табличкой «Берсенеv Дмитрий Сергеевич». Раздался низкий мужской голос «войдите», и она переступила порог кабинета.

При высоте потолка пять метров кабинет казался непропорционально маленьким. Хотя, заметила она краем сознания, был не меньше, а, возможно, и больше кабинета ее бывшего директора. Трудно было правильно определить размер из-за огромных книжных шкафов, стоявших по всему периметру.

Директором оказался симпатичный еще нестарый мужчина с цепким взглядом пронзительно синих глаз. Наталю вдруг осенило: да это же отец Жанны! Интересно, это учительская династия?

Дмитрий Сергеевич встал и сделал ей навстречу несколько шагов, чем жутко ее смутил. В ее бывшей школе мужчин не было, если не считать сторожа дядю Васю. Усадив ее на стул, он вернулся на свое место и просто сказал:

– Ну, здравствуйте, Наталя Викторовна!

Она принялась торопливо доставать из сумочки документы.

– Не надо, не надо! – Дмитрий Сергеевич улыбнулся. – Это вы нашему кадровику отдадите.

Она откашлялась, чтобы, как полагается, рассказать о себе, но и тут директор воспротивился.

– Я и так знаю о вас очень много. Мой сын, как вы наверное, знаете, дружен с вашим братом. Так вот Слава нам очень многое о вас поведал. Гораздо больше, чем вы сами рассказали бы о себе. И о том, что вы прекрасный педагог и что вас любят и уважают все ученики. И о купленном муже, и об отце, третирующем мать, и матери, боящемся потерять мужа как единственного источника дохода, и вашей маленькой ужасно непослушной дочке. Описал все с непосредственностью юности. Так что рассказывать мне ничего не нужно.

Наталя мучительно покраснела. Она и не подозревала, что Славка такой болтун. Ну, она выскажет ему все, что о нем думает!

– Не надо его ругать. Он хотел, как лучше. И, между нами говоря, он и в самом деле вам помог. У нас было несколько кандидатур, но я решил остановиться на вашей. Думаю, вам эта должность нужнее всего.

У Натали в голове засела одна мысль: ее взяли из жалости! Она хотела было вспылить, но, вспомнив о безрадостном возвращении и понравившейся ей служебной квартире, прикусила язык и ответила только одно:

– Спасибо!

Дмитрий Сергеевич понативно улыбнулся. Ей показалось, что он умеет читать мысли. Это ее смутило.

– Вы можете идти. Вас уже ждет Мария Ивановна, наш кадровик. Думаю, вы с ней с удовольствием пообщаетесь. Она очень любит вводить новичков в курс дела. Ее кабинет на первом этаже. На нем надпись «канцелярия».

Скованно поблагодарив нового начальника, Наталья пошла вниз, пылая от стыда. Кто еще знает о ней столько же, сколько директор? Вообще-то распространять конфиденциальные сведения неэтично, но, если Мишка рассказал о ней всей семье, то Елизавета Александровна и Жанна о ней знают не меньше, чем Дмитрий Сергеевич.

В кабинете с табличкой «канцелярия» сидела пухлая дама в странном наряде. На ней было синее тренировочное трико с вытянутой горловиной и белый платок на голове. Наталья не сразу сообразила, что Мария Ивановна собралась вместе со всеми ремонтировать школу.

– Здрасьте, здрастьте! – она простецки поздоровалась, будто новая учительница была ее соседкой по огороду.

Наталье хотелось сказать, что «здрасьте» воспитанные люди говорят только родственникам и друзьям, но она промолчала. В чужой монастырь со своим уставом не ходят. Тон у Марии Ивановны был ироничным, и Наталья насторожилась. Неужели и она в курсе ее личных дел? Но та иронизировала по совершенно другому поводу.

– Как вы будете преподавать? Наша Клавдия Петровна будет ваш каждый шаг контролировать.

– А она что, имеет на это право? Она же, вроде, на пенсии?

Мария Ивановна удивилась.

– А вы что, ее на уроки пускать не будете? Она же возмутится!

Эта грозная Клавдия Петровна уже изрядно надоела Наталье.

– А почему я должна пускать ее на свои уроки? Она что, представитель районо? Или, может быть, состоит в аттестационной комиссии? Я учитель высшей категории, аттестацию прошла в этом году, университет закончила с красным дипломом, поэтому не считаю, что меня нужно контролировать.

Мария Ивановна посмотрела на нее с неодобрительным прищуром.

– Понятно. Ну, хорошо, давайте документы.

Взяв паспорт, открыла его на странице «семейное положение». Штамп о разводе заставил ее сурово поджать губы.

– Не любят у нас разведенков, не любят. Село у нас строгое, почти сплошь староверы. Разводов у нас нет.

У Натальи упало сердце. Так она и думала! Но какое право имеет эта недалекая Мария Ивановна ее осуждать?!

Кадровичка хотела сказать еще какую-то гадость, но тут в кабинет вошла Елизавета Александровна. Вмиг поняв по угнетенному лицу новой учительницы, что Мария Ивановна говорит ей неприятности, строго сказала:

– Мария Ивановна, вы долго еще будете держать Наталью Викторовну? Может быть, просто возьмете документы, а оформите все попозже? И дайте ей все бланки с собой. Она человек грамотный, разберется в них и без вас.

Поджав губы, та была вынуждена выполнить распоряжение. Убрав бланки в сумочку, Наталья вышла в коридор вслед за Елизаветой Александровной. Они снова поднялись на второй этаж, и завуч завела ее в свой кабинет. Дверь с надписью «учительская» оказалась рядом.

Пригласив Наталью присесть, Елизавета Александровна извинилась:

– Вы на Марию Ивановну внимания не обращайте. Она баба вздорная, никто не спорит. – На безмолвный вопрос Натальи «зачем же ее здесь держат», ответила: – Ее у нас никто не любит еще и потому, что ее нам навязало районо. Она родственница начальника. Но они меняются часто, так что как только сменится районное начальство, так и кадровик у нас поменяется. Но давайте займемся более насущными делами.

Она начала рассказывать о порядках в школе, и Наталья с удивлением отметила, насколько же они отличаются от порядка в городских школах. Ей и в самом деле придется вести ботанику, зоологию и биологию во всех классах, да еще пару-тройку факультативов. Это полные две ставки.

– Это сложно, но, уверена, вы справитесь. И, еще, – тут она помялась, – не принимайте всерьез, пожалуйста, авансы Матвея Константиновича. Он у нас...

Наталья подсказала:

– Местный ловелас?

– Ну, не совсем, но около того. Он бобыль, до сих пор живет с родителями. И то к одной подкатит, то к другой. Но его никто всерьез не принимает. Он просто балабол.

Наталья кивнула. Ей и самой не понравился ощупывающий взгляд Матвея Константиновича.

– Думаю, мы обо всем договорились. А теперь вам лучше пойти домой. На практику по ботанике дети придут завтра к девяти.

– Мне бы хотелось вместе со всеми участвовать в ремонте. Ведь помогают все учителя?

– Вообще-то весь персонал, не только учителя. Но летней практики, кроме вас, нет ни у кого. К тому же мы уже заканчиваем. У нас большой опыт. Осталась пара классов, это работы на пару дней. Впрочем, если есть желание, присоединяйтесь. Но предупреждаю – это бесплатно. Смета уже передана в районо.

Они вышли в коридор. Елизавета Александровна направилась в класс, откуда доносились голоса учителей, а Наталья вышла во двор, посмотреть на свои владения. Слева овощи, справа цветы. Все строго по порядку, однообразно и до чертиков скучно. Что тут можно переделать? Если учесть, что скоро июль, то немного. Но уже на будущий год она тут сделает все, как полагается.

Как чертик из-под земли рядом с ней возник Матвей Константинович.

– Не нравится?

Она повернула к нему голову и мрачно улыбнулась. Кто на новенького?

– Не очень.

– Клавдия Петровна бы вашим словам не обрадовалась. И прочла бы вам мораль о порядке и организованности, чего в нашей жизни крайне не хватает.

– Меня сегодня уже несколько человек пугали этой вашей Клавдией Петровной. Она что, и впрямь так страшна?

Матвей Константинович призадумался.

– Ну, с ней никто связываться не хочет. Такую уверенность в собственной непогрешимости никому не поколебать. К тому же возраст у нее почтенный. Так что сами понимаете, легче согласиться. Спорить с ней себе дороже. – И без перехода поинтересовался: – А что вы делаете сегодня вечером?

Наталья свысока посмотрела на историка. Он был ниже ее на полголовы.

– Дорогой Матвей Константинович, вас совершенно не должно волновать, чем я занимаюсь вечерами. Скажу вам честно – мы с мужем разошлись потому, что он был ниже меня сантиметров на пять. Намек ясен?

Ошарашенный Матвей Константинович немного помолчал. Потом обиженно протянул:

– Ну, если это для вас так важно...

– Конечно, важно. Мне бы не хотелось смотреть на своего спутника свысока.

Это прозвучало двусмысленно, и Матвей Константинович задумчиво почесал нос.

– Вам бы Александр Вересов подошел, сын нашего управляющего. Вы бы с ним прекрасно смотрелись вместе. Только вот...

Наталья догадалась.

– Он не приветствует разведенных дамочек?

Матвей Константинович засмутился. Он не привык к таким откровенным разговорам с женщинами.

– Что-то в этом роде.

– Да не смущайтесь вы так! Я и не думаю по этому поводу переживать. Я тоже не слишком приветствую ханжей разного рода.

– Жизнь – штука странная, – философски заметил историк, – сегодня думаешь одно, а завтра получается совсем другое. Ну да ладно, я пошел. Успехов на новом поприще!

Он ушел, а Наталья вдруг поняла, что ей ужасно хочется плакать. Но она назло себе широко улыбнулась. Вот причислили ее к разряду неприкасаемых. Недостойна она даже след целовать этого, как он сказал? Александра Вересова?

Усмехнувшись, начала записывать в тетрадь заметки для практики: что сделать в первую очередь, что во вторую. В принципе вполне можно было оставить все как есть, но уж больно это скучно.

Из здания вышли перемазанные в побелке коллеги. Елизавета Александровна с крупной кляксой белил на носу предложила:

– Может быть, вы к нам зайдете пообедать? Думаю, есть у вас нечего...

Пододошедший Павел лукаво заметил:

– Наоборот. Ко мне еще вчера ходки с продуктами потянулись. Поскольку было уже поздно, я их у себя оставил. Продукты, естественно, а не ходков. Так что сейчас и отдам. Пошли, Наташа!

Они вместе отправились по утоптанной тропке к пентхаусу. Вслед им уставилась не одна пара любопытных глаз.

– Не боишься, что сплетни пойдут? У нас здесь любят языками чесать.

Наталья пожала плечами.

– Как во всех деревнях. Новых лиц мало, событий еще того меньше, поэтому и сплетни. Чтоб жить веселее было.

– Для этого телевизор есть.

– Но жизнь соседская гораздо интереснее. Подумаешь, бомбы на чьи-то головы сыплются, когда Колька у собственного дома с Нюрой целовался!

Павел хохотнул.

– Да, это значимее, ты права.

Они дошли до дома, и Павел пригласил:

– Заходи ко мне, я тебе твои передачи отдам. А то мне и свое девать некуда.

– А что, тебе до сих пор продукты носят?

– А куда ж они денутся? Носят, конечно. Народ тут хлебосольный и трудолюбивый. Да и какая разница, кому отдавать излишки? Поросю или учителю? На всех хватает.

Несколько шокированная Наталья запротестовала:

– Ну, что уж ты так...

– Это не я, это мне баба Катя в свое время сказала. Для того, чтоб я не стеснялся. Так что и ты не стесняйся. Не тебе, так и без того перекормленному поросю.

В квартире Павла везде были раскиданы отвертки, детали компьютера, на окне стояло несколько мониторов, на столе – системные блоки.

– Зачем тебе столько?

– А это я по мере сил еду отрабатываю. То чинить приносят, то на апгрейд. Та же баба Катя уж очень компьютерными игрушками увлеклась, дед Вася меня костерит, где только не увидит. Она каждую свободную минутку за компом сидит.

– А он что же?

– Считает, что это дурь одна.

– Ну, в какой-то степени он прав. Если без ума в игрушки играть, то и свихнуться недолго.

– Вот и он так же говорит, только другими словами.

Павел выгреб из холодильника гору банок, склянок, пакетиков разного рода, запихал все в один большой черный пакет и отдал соседке.

– Вот, пользуйся!

Наталья оторопело взяла у него из рук доверху набитый пакет.

– Мне столько не съесть!

– А вот в этом я тебе не помощник. Можешь поросю завести. С ним легче.

– А ты почему не завел?

– Почему не завел? Завел! Только он не у меня стоит, а у Веры, она в четвертой квартире живет. Она наш фельдшер. У нее три своих поросенка, вот она и моего приютила. Я все свои остатки ей отдаю.

Наталья предложила:

– Может, мне и свои ей отдавать?

– А ты вечером к ней загляни. И познакомишься заодно. Мы здесь все друг друга знаем. В гости забегаем по-деревенски, без затей.

В семь вечера она решила зайти к соседке, спросить, есть ли в Ивановке детский сад и как туда устроить ребенка. Та встретила ее радушно.

– Заходи, давай, не стесняйся! Ничего, что я тебе тыкаю?

– Все нормально. Мы же ровесницы.

– Меня Вера зовут. Я в местной амбулатории работаю. Ты, наверно, это знаешь. А ты биолог?

– Да.

– Это хорошо. Наверное, медсестра?

– Да. Я вообще лейтенант медицинской службы. У нас в универе военная кафедра была.

– Здорово! В общем, ежели что, я к тебе за помощью обращаться буду.

– Ну, помощи от меня немного. Я же не профессионал. Сама знаешь, как на военных кафедрах учат. По принципу «лишь бы не было войны».

Вера захихикала. Она была плотной женщиной с сильными руками, привыкшая к тяжестям.

– Павел мне сказал, что тебе наши соседки еды натащили прорву, куда девать, не знаешь.

– Ну да. Столько мне не съесть.

– Что останется, приноси. Наши поросята всему бывают рады.

В комнату заглянули сразу три симпатичные мордашки.

– Это все твои?

– Ну да. Пока трое, но, думаю, будут еще. У меня муж уж больно детей любит. Он трактористом работает в хозяйстве, а в уборку на комбайн пересаживается. Получает, слава богу, прилично. Ну, и я еще немного добавляю в семейную копилку.

– А как вы умещаетесь в двухкомнатной квартире?

– А квартира номер пять тоже наша. Мы в одной стене проделали проход, и теперь у нас четыре комнаты. Но мы на свой дом копим. Чужое это не свое.

Наталья с ней согласилась.

– Ты в огороде что-то садить собираешься?

– Если только редьку. Для всего остального поздно.

– Да, – Вера огорчилась. – Знать бы, что Дмитрий Сергеевич так быстро учителя найдет, мы бы по мелочи там что-нибудь посадили. Морковь, свеклу.

– Если посмотреть, сколько мне всего принесли, то ничего и не надо. Хотя жить за счет подаяний неприятно, конечно.

Вера замахала руками.

– Ну, какие это подаяния, ты что? Люди просто тревожатся, как бы ты обратно не сбежала, только и всего. Можешь рассматривать это как взятку. Вдруг уедешь, программу урежут, и многие не смогут поступить туда, куда хотят. Знаешь, сколько у нас выпускников в медакадемию мечтает поступить?

Наталя рассмеялась.

– Хорошо, буду рассматривать эти приношения как взаимовыручку.

– Это правильно.

В дверь постучали. Вера подхватила и отправилась открывать. Раздался мужской баритон, и в комнату, нагнув голову, чтоб не удариться о притолоку, вошел высоченный мужчина. Приглядевшись, Наталя поняла, что не мужчина, а парень. Красавец, голубоглазый блондин, ему бы только в кино сниматься, русских богатырей играть. Вдруг возникло ирреальное ощущение, что она знает его давным-давно. Она тряхнула головой, избавляясь от наваждения.

Он внимательно посмотрел на нее. Под этим взглядом ей захотелось выпрямиться и поправить волосы. Она удивилась. Что с ней такое? Он же не ее начальник! С чего ей захотелось выглядеть как можно лучше? Она давно отвыкла охорашиваться перед мужчинами.

– Вы, наверное, Наталя Викторовна? – его красивый голос обволакивал, как облако. – Мне о вас Жанна сказала.

Он произнес имя Жанна с таким уважением, что у Натали неприятно защемило сердце. Она в изумлении подумала: неужели я ревную? Но с чего? Этот богатырь мне совершенно чужой!

Спohватившаяся Вера принялась их поспешно знакомить:

– Ой, извини, Наташа, у нас Сашку все знают.

Зашедший в комнату жилистый мужчина сердито поправил:

– Какой он тебе Сашка! Он давным-давно Александр Иванович!

Вера отмахнулась от нравочений мужа.

– Хорошо, хорошо! В общем, это наш главный агроном. И не думай, что он стал главным, потому что у него папа управляющий, у него у самого голова на плечах есть!

Наталю осенило: да это же тот самый Александр, о котором Матвей Константинович говорил, что он ей подходит. Да, по росту-то он ей в самый раз. Да и по всем остальным параметрам тоже, но вот только она-то ему не ровня. По меркам селян, разведенная женщина сродни падшей гулене.

Мужчины враз посмотрели на Веру: ее слова отдавали каким-то неприятным подтекстом.

– Хватит и Александра. Иванович это лишнее. – Он повернулся к хозяину, решив, что ритуал знакомства окончен. – Давай выйдем, Петр, мне с тобой потолковать надо.

Мужчины вышли, и женщины остались одни.

– Ой, я и забыла тебе сказать, что моего-то Петькой зовут. А на Сашку ты внимания не обращай. Он парень простой, но с принципами. Староверы они все такие. Мой тоже старовер.

– А ты?

– Я в православной вере крещеная. Хорошо, что теперь разрешили в одной церкви молиться, а то раньше он в молельный дом ходил, а я в наш сельский храм. Ты его не видела? Ему двести лет. Красивый – жуть. Теперь, когда в праздники на службу все село собирается, он полный. А то раньше пустой стоял. Нас-то человек сто было, не больше. Остальные староверы.

Наталю не очень интересовали проблемы религии. А вот Александр зацепил. И сильно.

– Александру Жанна нравится? Она очень красивая.

– Красивая. Только по ней Павел сохнет. Он из-за нее сюда и приехал. А Сашка по младшей сестре убивается, Аньке. Она сейчас в универе учится. А Сашка сельхозакадемию заочно закончил. С красным дипломом. Он вообще-то очень умный. Только вот строгостей насаждает – море. То нельзя, это нельзя. Но я не жалуюсь. Это все для пользы дела. Давай-ка чаю попьем, а то уболтала я тебя совсем.

– Нет, нет! – Наталья даже испугалась. – Я только что пирог съела, его баба Катя принесла. Очень вкусный. Я тут у вас растолстею, и буду как клумба.

Вера фыркнула.

– У нас тут мужики худосочных баб не любят. Они справными должны быть.

– Ну, Жанна-то худенькая.

– Да что ты на ней заиклилась! Она хороша, но у нас и не хуже бабы есть. Ты же не замужем?

– Я разведена, и дочке три года. Так что я у вас здесь котироваться не буду. И не по причине худобы.

Вера немного погрузилась. Но потом залихватски махнула рукой.

– Это ерунда! Если мужик полюбит, то ему все равно будет, разведена ты или нет.

– Это ты правильно сказала: если полюбит. Вот в этом-то вся и проблема. У вас много мужиков под два метра?

– Немало. Правда, все больше белобрысы, как Сашка.

– Мне брюнеты и не нравились никогда.

Вера притихла.

– Надо подумать, кто тебе подойдет.

– Нет, нет не надо! – Наталья обеспокоилась скоростью, с какой соседка решила ее пристроить. – Я как-нибудь сама.

– Ну, как знаешь, – с сомнением согласилась Вера. В ее тоне явственно звучало: что-то в первый раз у тебя не получилось. – А почему ты развелась?

– Это не я развелась, а со мной. – С невеселой усмешкой призналась Наталья. – Яков нашел дамочку побогаче, с машиной, квартирой и своим магазином. Неважно, что она была в два раза его шире и на десять лет старше. У них уже сын родился.

Вера онемела.

– Это как? Я слышала, что в городах мужики себя за деньги продают, но чтобы от жены с ребенком уходить к богатой бабе, это ж каким подлым надо быть!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.